

Нерассказанная история о том, как я обрела свой голос Пранада даси

Перевод: Елизавета Милюхина, Расешвари дд

Редактирование: Сати дд

Поскольку я первой начала высказываться от имени женщин ИСККОН, меня много раз спрашивали, почему я стала это делать. Всем, за исключением небольшой горстки людей, я отвечала, отделяясь общими словами, и никогда публично не давала ответа на этот вопрос. Но сейчас, когда я составляю этот сборник, мне становится ясно, что первый раздел книги, мое письмо к Саудамани даси, которое послужило толчком к тому, чтобы женщины ИСККОН обрели свой голос, нуждается предисловии так же, как и все остальные статьи этой книги. Чтобы набраться храбрости писать, я вспомнила следующие моменты:

(а) забвение истории

(б) то, что произошло с женщинами, а значит и с детьми, и чего никогда не должно повториться вновь.

(в) хотя, в основном, жестокое поведение по отношению к женщинам-преданным первого поколения ИСККОН скорректировано, тем не менее уничижительное, предубежденное и презрительное отношение к женщинам и по сей день сохраняется во многих храмах.

Поэтому я решила представить здесь, ничего не замалчивая, свой личный рассказ о том, что сподвигло меня говорить от имени женщин ИСККОН.

1984

До мангала-арати остается всего пару часов, но я никак не могу заснуть. Я лежу в своем спальном мешке, уставившись глазами в потолок, а в ночном мраке перед моим внутренним взором проносятся яркие сцены, цветные и полные эмоций. Они повторяются снова и снова. Я ворочаюсь с боку на бок и плачу.

До сегодняшней ночи я не осознавала, что на самом деле пережила за эти годы. Каждый раз, когда кто-нибудь из духовных братьев приписывал себе заслуги за служение, выполненное мной, я воспринимала это как возможность проявить смирение. Я не придавала этому значения, я жаждала служить. Я брала на себя все больше и больше ответственного служения и обретала все больше опыта. Я блаженно парила, отдавая каждую толику своей энергии, все свои способности, все свое время и всю себя Шриле Прабхупаде и Кришне. Самопожертвование доставляло мне столько радости, и единственное, чего я хотела – это отдавать еще больше!

Но тут стало происходить нечто очень странное. Один из моих духовных братьев сказал, что ему не нравится мой чрезмерный энтузиазм и то, что я беру на себя слишком много служения, и забрал мои обязанности менеджера Архива записей одного из гуру. Когда он не смог найти мне замену, меня попросили вернуться обратно. Также я печатала письма для одного из гуру, состоявшего в Джи-Би-Си. Другой преданный сказал, что хочет заменить меня еще кем-нибудь, хотя печатала я хорошо, качественно и успевала все делать в срок. Никогда не было никаких задолженностей и задержек. Этому преданному тоже не нравилось, что я делала так много, и поэтому он начал искать мне замену. Прошли недели,

он так и не смог ее найти, и потому начал прибегать к регулярным угрозам забрать у меня служение.

В то время я работала над последними двумя томами Шрила Прабхупада-лиламриты, и была наборщиком, корректором и менеджером по подготовке к печати в одном лице, поскольку в нашем коллективе Гита-Нагари Пресс не хватало рабочих рук, а сроки поджимали. В один прекрасный день “обещания” забрать мое служение осуществились, и мне было сказано, что пост менеджера по подготовке к печати отдадут другому человеку, мужчине. Этот преданный не имел опыта в книгоиздательстве. Но я уступила и провела много дней, обучая его разным аспектам служения. К моему удивлению он не очень-то рвался работать и просто ничего не делал. Он не появлялся в офисе днями, неделями. Он знал, что я могу справиться с работой, и что я ее сделаю. Однако он оставался на посту менеджера по подготовке к печати, что затрудняло мою работу. Он получал извещения от членов нашей команды и от типографии, но не передавал их мне. Процесс издания книг был заброшен, а график практически застопорился, пока мне снова не вернули это служение. Это только два примера из великого множества подобных ситуаций.

Пока эти воспоминания крутятся у меня в голове, я ругаю себя: “Ты ведешь себя не смиренно!” Эта мысль мучает меня. Как я могу прогрессировать, если я не смиренна? Мой ум мечется в поисках умиротворения, но не может уняться, перескакивая с одного воспоминания на другое. Почему он это делает? Является ли это следствием депрессии, которую я никак не могу стряхнуть с себя?

Не успеваю я опомниться, как на потолке, словно на экране, появляется картина следующего воспоминания. Я иду по храмовой территории, а мужчина плюет в мою сторону. Я не раз видела, как мужчины плюют в сторону моих сестер, иногда даже прямо на них. Мне кажется, подобное поведение – это реакция на распространенную цитату о том, что при мысли о сексе нужно сплевывать, но они-то плюют на живых людей.

Теперь на ум приходит случай на лестнице в храме Санто-Доминго. 1977 год, я на шестом месяце беременности. Спускаясь по лестнице, я поскользнулась и кубарем скатилась с нее. Брахмачари, который в это время поднимался вверх, вжался в стену, лишь бы не коснуться меня. Другой брахмачари отказался поделиться со мной единственной чашкой молока, которую предлагали Божествам.

Воспоминания о лестнице наводят на мысль о коридорах. Я вижу, как поворачиваюсь лицом к стене и буквально вжимаюсь в нее, чтобы брахмачари мог свободно пройти мимо, не коснувшись меня, и не увидев меня спереди. Я несколько раз видела, как это делают другие женщины, и это стало негласным “правильным этикетом”.

Мой ум переключается на сцену раздачи обеденного прасада. Женщины стоят в очереди. Многие мужчины опаздывают, вразвалочку подходя и занимая место за последним мужчиной, но перед первой женщиной. Даже если мы стояли первыми, теперь наше место было в хвосте в очереди. И неважно, что у нас голодные, плачущие дети, и что на нас опять может не хватить прасада. Мы знали заранее, что если на обед какое-то особое блюдо, то его раздадут только мужчинам, которые смакуя его и громко обсуждая его достоинства, будут требовать добавки.

Это заставляет меня вспомнить другой случай с прасадом. Я повредила спину и с трудом могла ходить. Мое служение было в доме, который находился в миле от храма. Я не могла ни пойти на обед в храм, ни доехать на машине с брахмачари, которые ездили туда каждый день. Поголодав несколько дней, я набралась смелости попросить у них привезти мне

тарелку прасада. Единственный, кто не проигнорировал меня, рассмеялся в ответ и сказал: “Разумеется, нет”. Несколько месяцев я так и жила без обеда. К тому времени как я все-таки добиралась до храма, там оставались какие-то крохи прасада, но я уже научилась довольствоваться и этим.

Мой ум переносит меня на харинаму на Голливудском бульваре в Лос-Анджелесе. По тогдашним обычаям женщины и дети идут в хвосте процессии. Пьяные мужчины пристают к нам, хватая за руки, иногда пытаюсь обнять и поцеловать, а нам еще приходится присматривать за детьми в колясках.

“Перестань обращать внимание на все эти проблемы, Пранада!”, ругаю я себя. Но мой ум не унимается. Мне начинает казаться, что я схожу с ума. Я никогда не испытывала такой муки, и мне не понятно, почему все эти воспоминания преследуют меня. “Почему ты фокусируешься на неприятностях, которые тебе причиняли? В конце концов, они не так значительны. Преданный не должен так смотреть на мир”.

Я не схожу с ума, я ничего не придумываю. Я начинаю осознавать, что это подавленные мной воспоминания, и освободившись, они хаотичным потоком заполняют меня. До этого момента я старалась не придавать им значения или намеренно забывала каждый такой случай. Почему, интересно, меня это так беспокоит? Что мое подсознание старается мне сказать? У меня нет времени чтобы тщательно их обдумать, воспоминания слишком быстро сменяют друг друга, и я не могу их остановить.

Теперь мой внутренний голос напоминает мне еще об одной проблеме. Да, это верно, я признаю. Ежедневные классы по Бхагаватам во всех храмах, в которых я жила, представляют из себя сеансы унижения женщин, при том, что половина аудитории – женщины. Длинные, уничижительные тирады произносятся, даже если в самом тексте ничего не говорится о женщинах. И дня не проходит без оскорбления в адрес женщин.

Интересно, почему лекторы не могут сделать так, чтобы утверждения шаштр, которые порой так обидны, звучали бы более взвешенно. Многие утверждения представляют из себя настолько широкие обобщения, что они вряд ли применимы к каждой женщине. Зачастую они не применимы и к большинству! Эти тексты были написаны для *мужчин*, поэтому понятно почему те допускают критические выпады в адрес женщин – чтобы мужчины могли укрепиться в духовной практике. Но времена поменялись, и благодаря Шриле Прабхупаде женщины тоже занимаются духовной практикой. Поэтому то, чему учат эти тексты, касается и нас, и более того: это мы должны быть осторожны, чтобы не привлечь и не привязаться к глупым мужчинам, находящимся в круговороте самсары. Но почему-то никто об этом не говорит. Существует равное количество текстов о мужских недостатках, но складывается такое впечатление, что лекторы напрочь забывают о них. Не каждое утверждение здесь абсолютно, но никто не объясняет разницу между относительным и абсолютным. И, разумеется, никто не упоминает о том, что женщины-преданные не являются обычными женщинами. Как это отвратительно!

Я окидываю мысленным взором все последние годы. Все, что ассоциируется с женщинами, стали принижать – самих женщин, женатых мужчин, детей. Конечно, я знала об этом, но не обращала внимания, я была слишком погружена в служение, и ничто другое не имело для меня значения.

И тут мне пришла в голову ошеломляющая мысль: “Ты видишь, что ты наделала? Видя такое отношение к женщинам, ты в ответ попыталась стать мужчиной!” Я провела рукой

по коротко остриженным волосам и потянула себя за шикху. “Годами ты заворачиваешься в белое дхоти с тонюсенькой каймой по краю как в сари”.

Впервые я посмотрела на себя без прикрас – я выглядела как мужчина, я пытаюсь стать мужчиной. Мне пришло в голову, что это была довольно разумная стратегия, хотя я следовала ей подсознательно. В конце концов, будучи матерью-одиночкой, я нахожусь на самой низкой ступени социальной иерархии, и я знала, что если хочу найти место в нынешнем ИСККОН, то должна работать больше и лучше всех остальных. Я так и делала. Я делала служение за двоих или троих и делала его хорошо, радостно и с энтузиазмом. “Что ж, – думала я – несмотря на то, что с психологической точки зрения далеко не все в порядке, нет ничего важнее служения”. Но почему мои братья все время пытаются отнять его у меня? Почему я не могу делать то, что я хорошо умею? Они все равно не примут меня, хотя я уже практически превратилась в мужчину!

Цитата Туласи даса, которая в то время ходила по ИСККОН, “Можно бить собаку, барабан или женщину до тех пор, пока не извлечешь красивый звук”, всплыла в моем уме и вместе с ней воспоминания женщин, которые вверяли мне свои страдания. Они рассказывали о том, как мужа били их, прикрываясь этой цитатой.

Так заканчивается ночь. Я встаю на мангала-арати и занимаюсь делами. Но стоит мне лечь спать следующей ночью, следующей, и следующей, как потолок снова превращается в киноэкран. Я не могу остановить поток воспоминаний. Никакие философские рассуждения, никакие молитвы не успокаивают мой ум и не останавливают поток воспоминаний, который неизменно захватывает меня. Мне приходится мириться с этим.

Сейчас на потолке разыгрывается сцена, где мои духовные сестры пытаются найти место для чтения джапы. На улице мороз. В храмовой комнате стоят два больших обогревателя, но только мужчинам разрешается повторять в храмовой комнате. В одном из храмов, в котором я жила, женщины читали джапу в холодной раздевалке (она была забита обувью, поэтому нам приходилось сдвигать ее, чтобы сесть). В другом храме женщины размещались за пределами алтарной, в неотопливаемом помещении. Многие женщины уходили в свои комнаты, которые совсем не подходили для внимательного повторения, и я видела, как они отвлекались или спали, вместо того чтобы читать джапу.

Я вижу, как Джадурани сидит на вьясасане и читает лекцию по Бхагаватам в храме Лос-Анджелеса. За пределами алтарной слышен ропот некоторых мужчин, которых раздражает то, что она выступает в роли лектора. Их жалобы не имеют отношения к качеству лекции, им просто не нравится, что ей дана возможность говорить. На Гавайях Киртанананда Свами пожаловался на это Прабхупаде и спросил, могут ли они запретить Джадурани читать лекции, но тот не разрешил этого. Тем не менее Джадурани никогда больше не просили читать лекции.

В 1977 году храм переехал из крупного города в Пуэрто-Рико в гористую местность Гурабо. Там было два здания, одно в нормальном состоянии, а другое заброшенное, кишящее огромными крысами. Женщинам отдали заброшенное здание, а мужчины стали жить в доме получше. По ночам мы по очереди дежурили с метлой. Как только крыса прыгала с балок здания, мы отшвыривали ее, чтобы она падала на пол, а не на наши постели. У нас было двое малышей, а известно, что крысы могут обгрызть рты младенцев.

Ну что ж, по крайней мере, нам было где жить. Были храмы, в которых не было помещения для женщин, хотя мужчинам жилые помещения предоставлялись в каждом храме.

Теперь на потолке я вижу прямо перед собой мою самую близкую подругу, Т., собиравшую огромное количество пожертвований, которая в 1983 посреди ночи, тайком сбежала из храма, чтобы навсегда оставить сознание Кришны. Она – одна из жертв, которые не смогли вытерпеть притеснений. Хотя я много раз видела, как женщины убегали, но этот уход особенно ранил меня, ведь мы были очень близки с ней. Я также видела много женщин, которые приходили в храм, а потом в ужасе убегали оттуда. Эти воспоминания раздирают мое сердце, и я начинаю плакать.

Жаль, что мне не удастся поспать перед мангала-арати. Но затем я вспоминаю другие мангала-арати. Мы стоим позади, и Божеств почти не видно. Если мой сын плохо себя ведет во время арати, то его в наказание отправляют в самый конец алтарной комнаты, к женщинам. Дети знают, это все равно что понизить в звании. О, Кришна, ведь дети слушают эти лекции! Как я могла упустить этот важный момент?

На потолке появляется сцена, как моя духовная сестра приносит мне обручальное кольцо. Это воспоминание посещает меня впервые с 1976 года, когда это произошло, и меня начинает трясти. Что такое? Почему именно это воспоминание мучает меня больше, чем все остальные? Поток связанных с этим воспоминаний, накрывает меня.

Когда аэропорт Лос-Анджелеса был закрыт, мне сказали, что я должна присоединиться к женской группе по сбору пожертвований, недавно организованной неким Ю. Одна из женщин, состоявшая в этой группе, подошла ко мне. Раскрыв ладонь и протянув мне кольцо, лежащее на ней, она сказала: “По сути дела, ты становишься женой Ю. Вот твое кольцо”. Я отказалась от кольца и от шанса выйти за женатого мужчину, поскольку я сама уже была замужем! Но меня не выгнали из группы. Мы небольшой компанией ездили в Беркли, где мы учились у женщин из группы Дживы, а Ю. – у самого Дживы.

Однажды вечером, после того как погасили свет, Д., лежащая в спальнике рядом со мной, прошептала:

– Выполняй все без единого вопроса, что бы тебе ни велели. Иначе будут последствия. Ты слышала, что Н. сломала руку? Говорят, что она упала, но это не так – Джива ее избил! Он бьет, кого хочет, и со многих принуждает к сексу. Считается, что он женат на нескольких женщинах.

– Ты можешь с этим что-то сделать?

– Кому я скажу? Представь, что он со мной сделает, если я что-нибудь скажу.

– Перед тем как приехать сюда, Г. сказала мне, что я должна считать себя женой Ю. и носить кольцо, но я не согласилась на это, – прошептала я в ответ.

Когда я вспоминаю все это, к горлу подступают рыдания. Почему я тогда никому ничего не сказала о том, что происходит с этими женщинами? Я пытаюсь оправдать себя, говоря, что была шокирована и напугана, и что мне было всего 18 лет. Когда я вернулась в Лос-Анджелес, мне удалось вырваться из группы Ю. Что еще пришлось пережить этим женщинам?!

За несколько месяцев до этой поездки в Беркли в 1976 году две-три женщины по одной (тайком) подошли ко мне и сказали, что все женщины в Лос-Анджелесе планируют прятаться на время предстоящего визита Тамала Кришны Махараджа, который пытается переселить всех женщин в Австралию, и предложили мне присоединиться к ним.

– Но ведь Прабхупада так не сделает? – спросила я. **Никто не знал наверняка.**

Сцена на потолке сменяется. Я в храме на 55-й Уэст стрит. 1978 год, прошло несколько месяцев со дня ухода Шрилы Прабхупады. Моему сыну 6 месяцев, мне исполнилось 20 лет несколько дней назад. Я только что приехала в Нью-Йорк, и прошу разрешения выполнять свое любимое служение, распространять книги. Из разговоров с женщинами я узнаю, что женская группа в Нью-Йорке замечательная. “Т. дас следит даже за тем, чтобы у женщин были гигиенические салфетки во время менструаций”. Для меня это новость, поскольку я знаю, что не все женщины имеют доступ к вещам первой необходимости. “Также – продолжают они – он совсем не похож на Д., который гораздо хуже Дживы”.

Холодок пробегает у меня по спине. До меня доносились слухи о женской группе Нью-Вриндавана, но эти Нью-Йоркские преданные гораздо больше знали о физическом и психологическом насилии, которые женщины Нью-Вриндавана готовы были переносить ради служения Шриле Прабхупаде.

Я не говорю ни слова. Что можно сказать, услышав такое? Проносится следующее воспоминание. У меня перехватывает дыхание. *Я помню! Я помню!*

Шрила Прабхупада пришел ко мне во сне, после того как я переехала на 55-ю Уэст стрит. Я никогда не видела его во сне, и этот сон перевернул меня. Прабхупада был расстроен и сказал мне, что раздор между мужчинами и женщинами погубит его движение. Он был озадачен и обеспокоен и хотел, чтобы это остановить. Он умоляюще посмотрел на меня, как будто я должна что-то сделать.

Что я могла сделать? Через несколько лет, когда была опубликована Лиламрита, я прочитала, что Шрила Прабхупада был очень расстроен из-за разногласий между путешествующими санньяси/брахмачари и президентами храмов, грихастхами. Но именно в этом сне Прабхупада впервые выразил мне свою озабоченность и неудовлетворенность.

Его взгляд преследует меня. Я годами гнала прочь это воспоминание, но вот оно снова появилось передо мной с тем же посланием. Как мне ответить? Что я могу сделать?

Я не могу ответить на этот вопрос. И тут я осознаю еще одну вещь: я подсознательно пыталась подавить все эти воспоминания. Все. Теперь я знаю, что не смогу снова забыть о них. Но что мне с ними делать? Раздавленная ими, я плачу все сильнее.

Другая сцена. Прошло несколько лет, после того как я впервые встретила с женщинами из группы Дживы. В 1978 году я вернулась в Беркли и увидела, что все они носят белые сари. Я думала, что только некоторые из них были “замужем” за ним, но белое носили все. Обществу стало известно, что Джива применял ко многим из них психологическое, физическое и сексуальное насилие. Руководители, по мудрости своей, дали Дживе санньясу, фактически повысив его статус. Я думала, что санньясой награждали тех, кто контролировал свое сексуальное желание. В то время внутри нашего общества происходило нечто странное и страшное, то, что проявлялось в виде несоответствия между ролью женщин и отношением к ним. Молодые женщины носили белые сари в знак того, что никогда больше не выйдут замуж. Они приносили храмам большую выручку, работали по многу часов, собирали пожертвования. А что лидеры делали для этих женщин, подвергшихся такому насилию? Как жили мои сестры?

Затем я представляю себе, что пережила, возможно, каждая из этих женщина и это сокрушает меня. Я чувствую, как их боль наполняет мое тело. *Может быть, я действительно схожу с ума?*

К концу ночи я понимаю, что должна поговорить с кем-то, но с кем? С кем я могу поговорить, не рискуя? В течение дня я наблюдаю за своим духовными сестрами, пытаюсь оценить, с кем из них я могла бы поговорить. Спустя несколько дней я осмеливаюсь заговорить с одной из них, осторожно, не выдавая всего, что у меня на уме.

– Ты не выдумываешь проблемы и несправедливости, – заверяет она меня.

Эта короткая беседа успокаивает меня, и постепенно мои бессонные ночи прекращаются. Но проблема остается. Я начинаю замечать все больше несправедливостей по отношению к женщинам, как будто у меня развилось чутье на это. Долгое время я отмахивалась от всего происходящего со мной и игнорировала, то, что видела, помещая это в разряд аномалий.

Теперь мне хочется знать, была ли среди моих духовных сестер *хоть одна* кого это не коснулось. Я думаю, что некоторые, например, замужние или живущие вне храма, не сталкивались со многими вещами. Я знаю, что жены президентов храма не пострадали. Я знаю, что не все мужчины целенаправленно обижали женщин, многие из них, кажется, были в неведении, но они *были и остаются* частью системы из-за своего молчания. Ситуация ужасающая.

Я осторожно начинаю разговаривать со своими духовными сестрами и узнаю, насколько глубоко они спрятали свою боль. Я не одна, совсем не одна.

Внутри меня развивается и крепнет решимость. Я приму то, что произошло со мной и буду искать в своей жизни руку Кришны. Я хочу вести себя смиренно и прогрессировать в сознании Кришны, *но я не могу молчать о насилии, которые переживают мои духовные сестры. Я буду говорить честно.*

И все же я пока не могу найти свой голос. Я страшно напугана. Что произойдет со мной, если я заговорю? Я могу потерять все. Моя духовная семья – это все, что у меня есть. Где я окажусь, если лишусь этого прибежища? У меня нет никакого материального имущества, но я могу потерять свое духовное положение и свою духовную семью. Как я могу пойти против социальных норм, которые пронизывают *все* движение?

Борясь с нарастающим внутренним беспокойством, я столкнулась еще с одной проблемой. Для женщин, которые не хотели выходить замуж и/или не хотели выходить замуж за выбранного для них кандидата, браки организовывались.

Теперь пришла моя очередь. 1985 год. Я в шоке, с трудом понимая, что происходит, опускаюсь на землю. Преданный, который стоит передо мной, только что объявил мне, что руководство решило выдать меня замуж. В течение нашей получасовой беседы я три-четыре раза повторила, что не выйду замуж. Интересно, сколько ещё времени ему потребуется, чтобы, наконец, понять мое решение. С целью избежать своей участи и помочь ему найти жену для человека, предназначенного мне в мужья, я назвала ему имена трех женщин, которые хотели бы выйти за него замуж. Наконец брахмачари-посланец сказал: “Вообще-то у тебя нет выбора. Огненная церемония будет через три недели”.

Вот и все. Нет, я не пойду наперекор лидерам. Но это ужасно и только многократно усиливает мою уверенность в том, что в обращении с женщинами в ИСККОН есть большие перекосы.

По мере того, как я общалась со своими старшими духовными сестрами, передо мной стала вырисовываться картина ИСККОН до того, как туда проник сексизм. Для меня все это было открытием, а ведь я была преданной уже 11 лет!

Хотя я пару раз видела, как Джадурани дает лекции, но ей запретили это делать вскоре после того, как я присоединилась к храму в Лос-Анджелесе. Теперь я узнала, что раньше для женщин было обычным делом читать лекции: как только они начинали жить в храме, их так же, как и их братьев обучали высказываться публично! Прабхупада лично просил женщин давать лекции, и они делали это в его присутствии.

Мои сестры рассказывали мне, что Прабхупада просил женщин вести киртаны в присутствии санньяси и тысяч людей. Поэтому преобладающее мнение, состоявшее в том, что отреченные мужчины не могут слушать пение женщин-преданных, было еще одним измышлением.

Прабхупада просил Ямуну и Говинду Даси вступить в Жи-би-си, но Тамала Кришна Махарадж настолько горячо протестовал против этого, что те отказались. Женщины служили как пуджари в Индии. Женщины стояли бок о бок со своими братьями в храмах, а не позади всех в алтарной комнате. Когда мужчины жаловались на то, что женщины повторяют джапу в храмах, Шрила Прабхупада сказал в письме к Экаяни от 3 декабря 1972 года и на утренней прогулке в Австралии, что тем, кого это так волнует, следует отправиться в лес. Раньше женщины во время гуру-пуджи предлагали цветочные лепестки Прабхупаде, сидевшему на вьясасане. По просьбе Прабхупады женщины предлагали дандаваты. Так много вещей поменялось, а большинство преданных даже не знают об этом!

Как это случилось? Некоторые духовные сестры объясняли, что по мере того, как в ИСККОН увеличивалось количество санньяси, одновременно росло и женоненавистничество. Санньяси ездили в Индию, а вернувшись оттуда, начинали вносить свои изменения. Другие духовные сестры задавались вопросом, что является истинно ведическим, а что было внедрено в индийское общество под влиянием ислама. Бхактивинода Тхакур писал, что исламское правление, длившееся с 1206 по 1757 годы, значительно ослабившее стандарты варнашрамы и во многом осквернившее культуру Индии, было бедствием для страны. В их сомнениях я нахожу долю истины. Но вне зависимости от того, смогу я разобраться с этим вопросом или нет, Прабхупада знал ведическую культуру гораздо лучше, чем новоиспеченные санньяси: его воля в этом вопросе важнее их.

По мере того, я узнавала все больше и больше исторических фактов, во мне нарастали изумление и тревога. То, что ИСККОН ставил перед женщинами социальные и даже духовные барьеры, никак не соответствовало тому, что Шрила Прабхупада задумал для нас. Это противоречило тому, что установил Шрила Прабхупада. Нам нужна социальная реформа, возвращение к тому, что дал нам Прабхупада.

Некоторые истории шокировали меня. Одна женщина рассказала, как она делала какое-то служение около вьясасаны незадолго до начала лекции Шрилы Прабхупады. Одному из санньяси не понравилось ее присутствие там, и он ударил ее дандой по спине. К счастью для него, Прабхупада этого не увидел.

Другая духовная сестра рассказывала, что между ней и ее духовным братом-санньяси существовало напряжение из-за того, что она занималась некоторыми вопросами управления храма. Это служение поручил ей Шрила Прабхупада. Желая как-то сгладить ситуацию, она подошла к нему и предложила свои поклоны. Он не ответил на ее поклон, и когда она склонилась перед ним, пнул ее ногой в живот.

А истории побоев во множестве браков! А сильнейшее эмоциональное насилие, которому подвергались женщины, вышедшие замуж за мужчин, которым внушили ненависть к

женщинам в период брахмачари и которые были не способны изменить свой образ мыслей! Многие мужчины, присоединившиеся к ИСККОН, изначально не были шовинистами, но в последствии стали женоненавистниками.

Во мне закипал гнев, сильный гнев.

“Помоги мне!” – просила я одну сестру за другой. “Мы должны пролить свет, на то, что происходит”. Я чувствовала, что мне нужна открытая поддержка хотя бы еще одного человека. Но все отказывались, они были слишком запуганы.

Наконец я обратилась к Ямуне. Она пытливо посмотрела на меня и сказала: “Пранада, ты не знаешь, против чего идешь”.

“Знаю, Ямуна, поэтому-то мне нужна помощь”.

Ее глаза наполнились слезами, она положила руку на сердце и сказала: “Я не могу, Пранада. Это разобьет мне сердце”.

Я знала, что она имеет в виду. В прошлый раз, когда мы говорили с ней, она рассказала мне о том, что уже разбило ей сердце и оставило в изоляции, и большего она бы не вынесла.

Но в этом году я, наконец, обрела свой голос. Мой голос был слабым и робким, но я заговорила.

Я присутствовала на встрече с тремя мужчинами, и мы обсуждали служение. Им было необходимо мое присутствие, поскольку только я знала детали проекта. К. даси не было на этой встрече, хотя она была ключевым членом команды. Они отзывались о ней в особом ключе – так же годами отзывались и обо мне.

“Она независима, это недопустимо!” – сказал один из них, остальные двое стали поддакивать и подчеркивать ее многочисленные “недостатки”. Они принялись говорить о том, что надо сместить ее со служения и “поставить на место”. И все это продолжалось добрые полчаса.

Я знала К., я работала с ней. Говоря “независима”, они имели в виду, что она разумна, образованна, целеустремлена и в состоянии самостоятельно думать. Она не была не из тех, кто делают все из-под палки, она была компетентна, и они боялись этого.

Я сказала: “Вы должны быть осмотрительны, проявляя неуважение к тому, кто является ключевым членом команды. Вы браврируете тем, что найдете кого-нибудь еще, но этим можете навредить и себе и служению”.

У меня не хватило смелости сказать больше на этой встрече, но я написала им длинное письмо, детально описывая, почему их отношение и поведение разрушительно. Я задавала вопрос, почему женщина представляет для них угрозу. Я объяснила, почему я не буду терпеть их комментарии и поведение и, если они еще раз начнут критиковать К. или пытаться забрать ее служение, я откажусь консультировать их и отвечать на вопросы. Точка. На тот момент я им точно была нужна, и потому мое заявление имело вес.

Я дрожала, запечатывая конверт, но была счастлива – я заступалась за свою духовную сестру. *Если бы каждая из нас так поступала – думала я – все было бы по-другому.* Я сказала то, что должна была сказать. Стараясь ободрить себя, я думала, что, если я буду посмелее, возможно, это придаст сил другим женщинам. Может быть, ситуация насилия над женщинами ИСККОН, которая уже давно вышла из-под контроля, может измениться.

По каким-то причинам эта встреча стала для меня поворотным моментом, возможно, потому что я своими глазами наблюдала, как эти преданные пытались разрушить жизнь К. только на том основании, что она женщина, а они хотят контролировать. Я уже проходила через подобное и догадывалась, что они говорят за закрытыми дверями, но теперь я видела это в действии. Мое противостояние перевернуло их планы навредить К., и они перестали говорить о ней плохо.

Я больше не буду смотреть на то, как преданные-мужчины обращаются с моими сестрами. Подобное поведение должно прекратиться там, где оно началось: на лекциях. Прослушав бесконечных количество лекций по Бхагаватам, где мужчины унижали женщин, я решила, что больше не буду там присутствовать. Какое облегчение! И если и оставалась, то поднимала руку после каждой лекции и задавала вопрос, относящийся к выше сказанному, или давала свои комментарии. И я начала делать это все время. Я будто бы вытащила кляп изо рта и вышла из темного чулана, где до этого в страхе пряталась.

Я была убеждена, что восстановление женщин в их праве на служение будет иметь огромное значение для устранения неподобающих взглядов и поведения – со стороны и мужчин и женщин – и восстановления равновесия в ИСККОН ради более мощной проповеди.

Я медленно свыкалась с этими мыслями и задумывалась над тем, как привлечь внимание к тяжелому положению женщин и изменить социальную структуру. Я все еще искала *того человека*, который мог бы открыто встать рядом со мной.

Я обратилась к Саудамани, объяснила ей свою озабоченность, рассказала о том, что узнала и спросила, сможет ли она мне помочь. Она спросила меня о том, что я хочу поменять. Она не сказала, что изменения невозможны или что она не может помочь – она хотела узнать, что я хочу изменить! До этого момента никто не открывал передо мной дверь. Я очень обрадовалась.

– Саудамани, все, все нужно поменять. Женщины должны читать лекции по Бхагаватам, вести киртаны, стоять бок о бок со своими духовными братьями, они должны принимать учеников, – я быстро выпалила ей весь длинный список.

– Какая из перемен самая важная?

– Скажи мне, – я знала, что у нее что-то на уме.

– Лекции по Бхагаватам, – произнесла она. – Если преданные увидят, что женщины настолько же преданны, зрелы и разумны, как и мужчины, то обижать и обезличивать женщин будет гораздо сложнее. Напиши мне письмо со всеми предложениями, а я отвечу тебе. Потом мы сможем переслать эти письма в Джи-Би-Си.

1988

Когда я начала писать Судамани письмо, ко мне пришла учительница моего сына. У нее были проблемы с дисциплиной, он не слушался ее и говорил: “Мне можно не слушаться тебя, потому что ты женщина. Я разумнее тебя”. В десять лет он осмеливался так относиться к учителю, к старшему из-за того, что подобные речи и взгляды господствовали в ИСККОН! Что мне делать, чтобы нейтрализовать влияние этой идеологической обработки? Этот случай еще больше убедил меня в том, что я не могу молчать.

Если у меня еще оставались какие-то сомнения во время составления письма, то они рассеялись, когда мне позвонила духовная сестра и рассказала, что несколько мальчиков

вернулись из Вриндаванской гурукулы. Они подверглись сексуальному насилию, и это замалчивалось. Я не могла поверить тому, что она говорит. Как это могло произойти в нашем движении? Как это могло произойти?

Она рассказала, что матери одного или двух мальчиков попытались связаться с руководством, но их обвинения либо отрицались, либо не воспринимались всерьез. На самом деле, этим матерям велели держать язык за зубами. Эти вайшнавы были возмущены не только тем, чему подверглись их сыновья, но тем, что их еще и отказывались услышать. Где же надежда на справедливость и исправление ситуации?

Я была в ярости.

Этим детям не пришлось бы пережить насилие, и факт насилия не игнорировали бы, если бы их матерей систематически не унижали и не запугивали годами.

Узнав эту новость, я больше не боялась того, что может случиться со мной, если я публично выскажусь. Я слишком много пережила, слишком многое видела, слышала и знала.

Я не собиралась молчать.

Мое письмо к Саудамани и ее ответ были отправлены в Джи-Би-Си.

Я внесла в повестку дополнительный пункт, обратившись к Джи-Би-Си с просьбой принять закон, разрешающий женщинам читать лекции по Бхагаватам. Джи-Би-Си ответило, что нет нужды вводить такой закон, поскольку нет закона, запрещающего женщинам читать лекции, что я посчитала изощренным политическим маневром. Я была в ужасе: мои духовные братья решили полностью игнорировать весь этот беспредел. Это уже не вопрос их неосведомленности. Они знали и не собирались помогать.

Предприимчивая Саудамани сказала: “Ну так давай читать лекции”. У меня екнуло сердце. Я не была искушена в красноречии, но я была полна решимости, игнорируя охватившую меня панику, ради моих сестер. Мы начали читать лекции по Бхагаватам. Как только кто-то из нас оказывался на вьясасане, мужчины вставали и уходили. В коридорах стоял ропот. В движении начали ходить разговоры.

Наши письма придали храбрости некоторым женщинам. Манаса Ганга даси, новая преданная, подошла ко мне и спросила, почему женщинам не разрешают читать джапу в алтарной. “Этому нет разумного объяснения”, – ответила я. Она написала письмо к преданным в Филадельфию, прося их изменить стандарт. Это сработало. После десятилетнего запрета женщинам разрешили читать джапу в алтарной. Это было уже второе изменение в храме в Филадельфии, что разожгло дальнейшие дискуссии по всей Америке и в других местах. “Что замышляют эти женщины?” – спрашивали преданные.

Я получила анонимное письмо, где мне желали смерти и уверяли, что сделают все, чтобы это случилось. М. из Нью-Йорка отправил мне письмо, в котором говорилось, что я разрушаю движение Шрилы Прабхупады. И его чувства разделяли многие. Обо мне стали распространять очерняющие слухи. Я продолжала думать, что, если преданные поймут, что на самом деле происходит с женщинами, их сердца растают, и мы сможем жить как единая семья.

Журнал “Обратно к Богу” переехал в Сан-Диего. Мы работали в журнале, и поэтому всей семьей (мой муж, мой сын и я) тоже переехали.

КК ждала меня там. Она хотела перемен в Сан-Диего и во всем мире, и хотела, чтобы это произошло сейчас же. Она предложила мне сделать что-нибудь, чтобы все женщины ИСККОН объявили забастовку, и чтобы все движение встало. “Через три дня все остановится!” - говорила она с воодушевлением. Конечно остановится, мы знали это слишком хорошо. Но я сказала ей, что мы сможем сделать больше, если будем пробуждать совесть преданных и обучать их. Я не хотела мешать проповеди.

И поскольку это было невозможно, она захотела узнать, как изменить стандарты даршана, чтобы женщины могли видеть Божества на арати, стоя по другую сторону от мужчин. Я сказала, чтобы она следовала ИСККОНовской системе подачи жалоб. Сначала она должна была обратиться к президенту храма. Я предложила ей написать письмо и дала совет о чем можно было написать. Президент храма не сразу ответил ей на письмо, а когда ответил, то ограничился рекомендацией обратиться к представителям Джи-Би-Си. Представитель Джи-Би-Си сказал ей, что она должна обратиться к председателю Джи-Би-Си. Председатель сказал, что она должна обсудить это со своим президентом храма. Ее кампания по написанию писем заняла месяцы (это было до времен электронной почты), но она не сдавалась.

Мне показалось, что Джи-Би-Си и президент храма обсудили это между собой, потому что президент храма, испытывая сильное давление, наконец, уступил ее просьбе. Он провел воображаемую линию сбоку, в трех метрах от алтаря. Он сказал нам оставаться на этой стороне и, если мы заступим за нее, он аннулирует эту привилегию. Большинство женщин осталось стоять позади, боясь показать, что они бунтуют против мужчин. Они слышали, какие обо мне ходят разговоры.

Пострадавшие от физического насилия женщины стали стучаться в мою дверь. Одна пришла, измученная тем, что муж насилует ее почти каждую ночь. Другая пришла с синяком под глазом и с кровоподтеками. Я начала искать ресурсы, которые могли бы использовать преданные, чтобы получить моральную поддержку и разумный совет.

Но каковы были настоящие перемены в ИСККОН? В Филадельфии Саудамани давала лекции, а женщины повторяли джапу в алтарной комнате. Теперь в Сан-Диего женщины могли стоять с одной стороны алтарной и видеть Божества. Спустя год повсюду появились небольшие улучшения в положении женщин. Что еще я могу сделать?

1989

Я не очень хорошо знала Судхарму, но однажды, когда мы вместе шли по улице в Сан-Диего, поделилась с ней своими разочарованиями. Сможет ли она помочь мне изменить ситуацию для женщин в ИСККОН? Она сама, в подробностях знала о ситуации насилия над женщинами в ИСККОН. Ей удалось избежать много, но она была одной из тех, кто состоял в группе Дживы.

– Ох, Судхарма, помоги мне, пожалуйста.

– Хорошо, но сейчас я уезжаю на восточное побережье. Мукунда Махарадж попросил меня возглавить отдел по связям с общественностью в ИСККОН по делу Робин Джордж. Изначальный приговор о выплате 32 миллионов уменьшили до 9 миллионов, но это означает, что мы все равно потеряем нескольких храмов. Дай мне пару месяцев, и мы снова свяжемся.

В тот день мы создали союз, который позже принесет свои плоды. Спустя несколько месяцев у нас уже был план. Я запустила новостную рассылку “Прити-Лакшанам” и

рассылала ее преданным и менеджерам по всему миру, чтобы возбудить диалог и продолжить массовое образование. Судхарма, которая теперь благодаря ее важному служению по делу Робин Джордж регулярно общалась с президентами храмов и Джи-Би-Си, с каждым из них говорила о положении женщин в ИСККОН. Всякий раз, когда появлялась возможность, она поднимала эту тему. Мы запустили медленный, скрупулёзный, но систематический процесс.

Преданные со всего мира стали писать мне, высказывая поддержку или гнев. Приезжающие санньяси спрашивали меня, почему я начала говорить об этом. Некоторые из них были искренне растроганы моими ответами и поменяли свои взгляды. Сухотра Свами из Германии написал мне, воодушевляя меня продолжать. Шридхар Свами и Сатсварупа даса Госвами сказали, что поддерживают мою деятельность. Но это были частные высказывания.

Мое разочарование порой доходило до высшей точки, когда я думала, что некоторые преданные понимают смысл происходящего, а потом оказывалось, что совсем не понимают. Один санньяси попросил меня взять на себя руководство одним многообещающим проектом. “Но, Махарадж, – сказала я – вы же идете наперекор своим убеждениям – вы считаете, что женщины менее разумны. Помните? Как я могу заняться таким служением?” Он со всей серьезностью ответил, что я исключение из правил, что я разумна. Я почувствовала приступ тошноты.

Руководство стало просить меня занять посты в различных комитетах ИСККОН. Я стала женщиной-символом. Должна ли я отклонить или принять их предложения, чтобы показать преданным, что женщинам можно поручать подобные служения?

Судхарма и я терпеливо сосредоточились на нескольких направлениях нашей работы, постепенно увеличивая по всему миру осведомленность, понимание и сочувствие.

“Прити-лакшанам” широко распространялся. Каждый разосланный мною журнал кроме получателя читали как минимум еще трое. Это стало менять настроение многих преданных. Неосознанное поведение для некоторых перестало быть чем-то само собой разумеющимся. Но негласные правила поведения и ограничения на служение все еще оставались.

1994

Судхарма продолжала напоминать мне о том, что надо запастись терпением. Она заверяла, что в ее общении с духовным братьями происходят сдвиги. Я знала, почему они серьезно относятся к ней, и потому считала, что у нее есть шанс. В случае проигрыша в деле Робин Джордж ИСККОН потеряет несколько ключевых храмов в Северной Америке. Однако влияние Судхармы на это дело было значительным. Наши духовные братья не могли ставить под сомнение ее высокий профессионализм и способности, ее огромный вклад в эту продолжительную борьбу за наши храмы. Чем ярче она проявляла свои способности, тем больше доверия ей оказывали. По мере углубления отношений с нашими братьями, она смогла положить начало глубокому обсуждению положения женщин. Некоторые из них, наконец, увидели эту ситуацию, а некоторые и публично поддержали перемены. Мукунда Махарадж, Бир Кришна Махарадж и Бхакти Тиртха Махарадж были готовы помочь Судхарме начать обсуждения на заседаниях Джи-Би-Си, а Бхакти Тиртха Свами предложил создать для женщин Министерство, а не Совет. Так в 1994 году было создано Североамериканское Министерство по делам женщин с правом голоса, и Судхарма стала министром.

1995

Судхарма постучалась ко мне в комнату. Когда я открыла, она даже не попыталась зайти, утомленная долгими заседаниями Джи-би-си по Северной Америке, а просто стояла, расплывшись в улыбке.

– Что, Судхарма, ну что?!

– На один из высших руководящих постов в Северной Америке выбрали женщину.

Я рассмеялась, запрыгала и заключила ее в объятия.

Судхарму только что единогласно избрали лидером североамериканского ИСККОН. Ей дали право присутствовать в качестве гостя на международном заседании Джи-Би-Си в Маяпуре. Ее поприветствовали на посту топ-менеджера, самой высшей должности в североамериканском управляющем совете. Это однозначно говорило о ее квалификации, которая стала самоочевидной в работе по делу Робин Джордж. Преданные питали к ней такое уважение, что с легкостью приняли ее.

Прошло десять лет с начала моих тревог и пять лет с начала нашей совместной работы с Судхармой, и мы преодолели значительный рубеж и разрушили невидимую преграду для женщин. За прошлый год ей удалось создать Североамериканское Министерство с правом голоса, а в этом году она стала топ-менеджером Североамериканского комитета Джи-Би-Си. Возможно, нам удастся полностью восстановить то, что Шрила Прабхупада дал нам и навсегда изжить разрушительные идеи о том, что просто факт нахождения в определенном типе тела может диктовать возможности служения и проповеди.

Как только ситуация начала меняться в лучшую сторону, я заболела и могла помогать Судхарме только на вторых ролях, с трудом перемещаясь от одной конференции или встречи к другой. Она шла вперед, заручившись поддержкой и помощью таких особых душ как Ануттама даса, Бхакти Тиртха Свами, Бир Кришна Свами, Куша даси, Мукунда Махараджа, Прасанта даси, Радха даси, Рукмини даси, Вишакха даси, Враджа Лида даси и других. И, конечно, с нами всегда была негласная, любящая поддержка Ямуны Деви.

В 1996 году Судхарма Прабху добилась учреждения Международного женского министерства теперь известного как Министерство вайшнави.

Любопытно, что Тамал Кришна Махарадж, который был символом анти-женских настроений и поведения и тем, кого высоко чтили многие современные руководители, приветствовал Судхарму Прабху на заседаниях Североамериканского и Международного комитета Джи-Би-Си. Как известно, он протестовал против принятия женщин в Джи-Би-Си, когда Шрила Прабхупада еще только создал его.

1996

В сентябре в Вест Фрипорт, Массачусетс, во время первого Североамериканского Диалога между Вайшнавизмом и Христианством между сессиями я принимала прасад за одним столом с Тамал Кришной Махараджем и Равиндра Сварупой Дасом. Неожиданно Тамал Кришна Махарадж поблагодарил меня за мою работу по просвещению преданных в вопросе вайшнави. Он прямо сказал, что поддерживает все усилия положившие начало изменениям положения женщин во всех сферах ИСККОН, включая сферу гуру – убеждения, которые он уже продемонстрировал, приветствуя Судхарму в Джи-Би-Си. Он сказал, что изменил свои взгляды на женщин, общаясь с высокоинтеллектуальными женщинами в академических кругах (отметив, что некоторые были гораздо умнее его) и

наблюдая за тем, как нашему просвещению мешало сексистское отношение ИСККОН, не подтвержденное никакими шастрами. Его личные реализации показали ему, сколько вреда он нанес своим духовным сестрам, многие из которых были в высшей степени квалифицированы. Он искренне раскаивался.

Следующая часть истории может рассказать только Судхарма Прабху, которой я предлагаю дандаваты и выражаю глубокую благодарность за ее преданность, бескорыстие и желание вовлечь как можно больше духовных сестер в нашу кампанию по восстановлению прав и возможностей женщин и прекращению рабского безмолвия.

В отсутствие письменных свидетельств самой Судхармы, этой антологии и резолюций Джи-би-си, принятых во время ее срока полномочий с 1994 по 2000 гг. будет достаточно, чтобы рассказать остальное. К счастью, некоторые ее воспоминания и размышления можно найти в эпилоге этого сборника.